

Сергей
Абрамов

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Сергей Абрамов

**Человек
со звезды**

АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 16

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Художник *В. Лебедева*

Абрамов, Сергей.

А 16   Человек со звезды : [сборник] / Сергей Абрамов. — Москва : АСТ, 2015. — 512 с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 978-5-17-087437-8

Повести Сергея Абрамова — это подлинные «городские сказки», в которых мир фантастического причудливо переплетается с миром нашей повседневной реальности. Эти сказки то веселы, то печально-лиричны, но оторваться от них, начав читать, уже невозможно...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-087437-8

© Сергей Абрамов, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Держать в руках настоящую бумажную книгу в наш стремительно оцифровывающийся век — роскошь и эстетство в лучшем смысле этих слов. Человек, который книги покупает в магазинах, а не скачивает, который перелистывает страницы, а не проматывает текст, который сожалеет, что заканчивается книга, а не батарейка, — настоящий уникум. Мне приятно, что вы — один из таких людей.

Книга, которую вы держите в руках, — настоящая, не только в физическом смысле, но и в метафизическом. Я поясню, что имею в виду. Ее содержимое пережило множество переизданий. Повести, которые вам предстоит прочесть, жили в разных книгах и литературных журналах. А до этого они были рукописями, которые рождались под стук механической пишущей машинки и правились от руки, шариковыми ручками...

Не спешите меня упрекать в том, что я ретроград (или «олд-фаг», как нынче модно выражаться в Сети), я хочу лишь сравнить путь, который проходит от рождения до читателя современная книга и та, что была создана задолго до появления персональных компьютеров и прочих цифровых (крайне удобных!) штуквин.

Я сам литератор. Мой рабочий инструмент — компьютер. Мои произведения, выходя из-под моих пальцев, становятся файлами, которые я могу сохранять в бесконечных копиях на бесконечных флешках-обменниках-облаках и сразу же отсылать интересантам по электронной почте.

Я знаю, что любую ошибку легко исправить, легко переделывать любой кусок текста. Я уверен, что я не потеряю свое произведение, уверен, что всегда отыщу в архиве любой файл из тех, что произвел на свет.

Но я помню и другие времена. Это были времена моего детства. Когда я слышал из-за закрытой двери кабинета отца телеграфный стук пишущей машинки (справедливо было бы

называть ее «печатной», но как-то прижилось слово «пишущая»), а мама говорила: «Отец работает!»

Я уже тогда улавливал связь между «работать» и «зарабатывать деньги», и поэтому в те редкие моменты, когда я бывал допущен к отцовской пишущей машинке, я исследовал ее на тему того, откуда же здесь вылезают купюры? Или хотя бы сыплются монеты?

Не находил и быстро забывал об этом. Ведь мне разрешали «попечатать»! Разрешали вставить лист, крутануть ручку каретки, намотав бумагу на валик. Разрешали неумело и медленно печатать ничего не значащие сочетания букв, наблюдая, как с каждым ударом молоточка по бумаге подпрыгивает черная лента и на бумаге появляются бледноватые литеры, завораживающие своей ровностью и красотой. А когда каретка доезжала до края, раздавался «дзынь» и можно было, схватившись за хромированный рычаг, с механическим хрустом вернуть каретку назад и начать печатать снова. Большие и маленькие буквы. Цифры. Пробел. Литера «Щ» немного заедала и возвращалась на свое место в амфитеатре букв очень не спеша. Кнопка с двоеточием и цифрой 5 не черная, а зеленая, явно заимствованная от другой машинки...

Эту отцовскую пишущую машинку я помню столько же, сколько и себя. Ее звуки, ее запах, ее всегдашний холод железного корпуса.

Именно на этой машинке были написаны повести, которые напечатаны в этой книге.

Чувствуете разницу? «Написаны повести» и «напечатаны в книге»...

После длительного лязганья машинки в кабинете отца воцарялась тишина. Шла правка текста. Отец много правил на полях, рисовал какие-то понятные только ему знаки, линии, вписывал понятным только ему почерком дополнения. Лист, прошедший правку, «оживал», становился пестрым, неаккуратным, но источал необъяснимую жизнь, которой было куда меньше в ровненько запечатанной бумажке без правок.

Эти листы складывались в папку. Большая картонная папка с веревочками, распластавшаяся на столе, как Мать содержала в своих объятиях бумажных, перепачканных чернилами детей.

Вечерами отец всегда читал нам то, что им было написано за день. Я слушал, многого не понимал, перебивал, но уже тог-

да чувствовал себя причастным к некоей Магии: вот я слушаю книгу, которой еще нет, которая еще не дописана до конца. Ее еще никто не читал, никто не знает, о чем она, а я уже знаю!

И потом, видя эту книгу изданной, я снова ловил в себе отголоски того таинственного ощущения *первопроходца книги*.

Но это случалось много позже. Сначала отец, закончив очередную книгу, снова неоднократно перебирал листы в папке, правил, правил, правил. Иногда перепечатывал по несколько листов, когда от чернильной писанины уже становилось невозможно прочитать печатный текст.

Затем папка завязывалась веревочками, и вся эта неопрятная, пестрая, живая семья листов под названием «рукопись» относилась в Издательство. Откуда много месяцев спустя привозились тугие пачки с новенькими книгами. На пачках присутствовал ярлык «Сигнальный экземпляр». На мой вопрос: «Кто кому сигналит этими экземплярами?» — отец отвечал, что «сигнальными» называются самые первые, пробные экземпляры книг, которые, как правило, достаются самому автору.

Эти «экземпляры» щедро раздаривались направо и налево — друзьям, соседям, «нужным» людям, заведующим секцией в магазинах с дефицитом, сотрудникам ГАИ, остановившим за нарушение, учителям в моей школе... И на каждом таком подарке имелаась некая очень личная, неформальная подпись отца, содержащая в себе какой-то остроумный афоризм или тонкое пожелание будущему обладателю книги.

Теперь вы, надеюсь, понимаете, сколько разнообразных смыслов я вкладываю в понятие «рождение книги».

Повести, которые вы прочтете, лично для меня немало значат не только потому, что я присутствовал при появлении на свет многих из них. Но и потому, что они многому меня научили.

Они научили меня Читать. Обучили меня как читателя, как человека, который понимает, как устроена литература, который видит в ней красоту композиции, элегантность слога, легкость подачи.

Они научили меня Писать. Как писателя. Я учился на отцовских книгах тому, как изящно можно обходиться со Словом, как можно с ним играть, уважительно подшучивая над канонами, как отыскивать нужное среди множества неподходящих Слов.

Они научили меня Думать, как думают литераторы, вечные неленивые наблюдатели за жизнью, коллекционирующие жиз-

ненный опыт для последующего алхимического рождения своих собственных миров.

Надеюсь, они научат чему-то и вас. В них есть много такого, чего нет не только в сегодняшней литературе, но и в сегодняшней жизни. Эти повести, помимо чисто эстетического компонента, содержат в себе отрывки летописи тех времен, в которые и о которых были написаны.

А времена были интересные. 80-90-е годы прошлого века. Кто-то в это время жил, кто-то только родился, кто-то про эти периоды лишь слышал. Равнодушным эта эпоха не оставляет никого. Поэтому, читая эти повести впервые, отнеситесь к ним как к рассказам очевидца, в чьей памяти «застряли» пускай не главные, но очень важные приметы времени.

Сегодня отец пишет книги на компьютере. Файлы, флешки, все как у всех. А та самая пишущая машинка стоит на полке в моем рабочем кабинете. Я разрешаю с ней играть сыну — ему, идущему в мир плоских стеклянных экранов и виртуальных клавиатур, очень полезно знать, что иногда для появления простой буквы на белом поле нужно приложить осознанный, вдумчивый труд.

Артем Абрамов

СТРАННИК

Приглушенные тона осени...

Да нет, вздор: как же тогда буйство красок, бунинское «осенний пестрый терем»? Лес — желтый, красный, оранжевый, но еще и зеленый, и коричневый под ногами. И рыночные астры, и желтые маковки золотых шаров. Это — из ряда природного. А есть еще ряд урбанистический, по-простому — городской: желтые, красные, оранжевые, зеленые, коричневые авто, цветные квадраты «классиков» на асфальте, черно-белые, контрастные жезлы милиционеров. Ну и одежда, конечно: одеваются нынче ярко, толпа пестрая, нарядная.

Все так. А как быть с небом?

Вспомнили Бунина — не грех вспомнить и Александра Сергеевича:

Уж небо осенью дышало...

Осеннее небо — блеклое, выцветшее под летним солнцем, выгоревшее, его уж и голубым иной раз не назовешь, а если облака набегут, затянут — серым-серо...

— Бородин, спишь?

Это ему. Как гром небесный, как возмездие за леньность мысли. Последний учебный год, пережить бы, перемочь...

— Куда там, Алевтина Ивановна, разве заснешь?

Хамский ответ, конечно, но Алевтина простит.

— Дома надо спать, Бородин, а на занятиях слушать педагога.

— Я слушаю, Алевтина Ивановна, я весь — одно большое ухо.

Улыбнулась. Представила Игоря Бородин в виде уха. А одноклассникам только палец покажи...

— Тихо, тихо... Прямо дети... Кончили разговоры, продолжаем урок...

Продолжаем... Итак, на чем мы остановились? Ах да: приглушенные тона осени. Окна в классе чистые, отдраенные перед началом учебного года, за одну сентябрьскую неделю не запылились, а видно-то сквозь них лишь небо, тусклое, как стиранные-перестиранные джинсы с заплатами облаков. Каково сказано? Сравнение в духе конца двадцатого века, броское и убедительное, а также лаконичное.

— Ну ладно, — опять Алевтина, неймется ей, — до звонка — пять минут, я вас отпускаю. Только тихо!..

Экое благородство! Хоть пять минут, да наши.

— Бородин, останься.

Не вышел номер.

— Надо ли, Алевтина Ивановна?

— Ну ты и нахал, Бородин! Если я говорю, значит, надо.

— Хозяин — барин. — Это уж по привычке, чтобы его слово последним было. А так-то зря к Алевтине цеплялся, безвредная она и историю неплохо ведет, интересно...

— Что с тобой, Игорь?

— А что со мной, Алевтина Ивановна?

— Ты в последнее время стал каким-то рассеянным, остранным.

Красивое слово — «остранный». А ведь, если вдуматься, — ничего хорошего. Остранный — со странностями, сдвинутый по фазе, псих ненормальный. Спасибо, Алевтина Ивановна.

— Спасибо, Алевтина Ивановна.

— За что?

— Да нет, это я так.

— Что случилось, Игорь? Ты здесь — и тебя нет.
На других уроках так же?

— Вам жаловались?

— Пока нет.

— Уже приятно.

— Десятый класс, Игорь, выпускной год. Ты идешь на медаль...

Иду на «вы». Кто кого: я — медаль или она — меня?

— Не волнуйтесь, Алевтина Ивановна, я постараюсь не подвести родную школу, альма-матер, так сказать, куда мы ребятишками с пеналами и книжками...

— Ну что ты за человек, Бородин?

Что за человек? Да так себе, серединка на половинку, ученый мальчик с пальчик ста восьмидесяти сантиметров от полу.

— Обыкновенный человек, Алевтина Ивановна. Да вы не беспокойтесь, не надо, ничего со мной не случилось, просто сообразил, для чего мне голова дана.

— А раньше не знал?

— Раньше я ею ел. А теперь еще и думать начал.

— Лучше поздно... И о чем думаешь, если не секрет?

— Обо всем, Алевтина Ивановна, мало ли о чем. Как надумаю — сообщу.

— Ну иди, Бородин, думай...

Вот и поговорили. Алевтина огорчена: не проникла в душу юноши Бородина, не нашла контакта, сейчас клянет себя почему зря. И вправду зря. Бородин и сам нынче своей души не ведает, она ему — потемки. Бедный, бедный Бородин... Так и заплакать недолго — от жалости к себе. А между тем права Алевтина: год выпускной, а завтра контрольная по физике. Хотя она и несложной быть обещает, однако же подготовиться надо.

Вышел во двор, навстречу — Пашенко, гордость школы, прыгун в высоту, отличный парень, друг и товарищ.

- Чего ты к Алевтине пристал?
- Это не я к ней, это она ко мне.
- Как завтра с физикой?
- А как? Напишем, не впервой.
- Я за тобой сяду, лады?
- Нет проблем, Валера.
- Что вечером делаешь?
- Думаю, — подчеркнул голосом.

Пашенко засмеялся.

— Ты, часом, не подался ли в дзен-буддисты? Само-созерцание, самоуглубление... Хочешь, мантру подскажу?

«Мантра» — вешее слово, зацепка для ухода в нирвану. Интеллектуальный человек Валера Пашенко, все-то он знает, все-то он слышал.

— Спасибо, Валера, у меня есть.

А что ему еще ответить?

— Не спрашиваю, не любопытствую, удаляюсь, удаляюсь. Помни о контрольной!

Помню, помню, на память пока жалоб нет. Все будет в порядке, Пашенко заглянет через плечо с заднего стола, с его ростом это несложно, сдует что положено...

Вешее слово — «память». Отличная зацепка для самоуглубления. А какая память у семнадцатилетнего пацаненка, еще не жившего, а прораставшего у папы с мамой на виду? Память на события: переезд на новую квартиру, недельный поход на велосипедах по Московской области, поездка с отцом на Урал.

О, море в Гаграх! О, пальмы в Гаграх!
Кто побывал, тот не забудет никогда...

Память на вещи: опять же велосипед «Старт-шоссе» с десятью передачами — мечта восьмиклассника Бородина, потом цветной телевизор, новая мебель, пятидесятитомная детская библиотека... Память на встречи: тут всего и не

перечислить... Что еще? А ничего. Нечего вспоминать. И тогда на помощь может прийти чужая память. Отцовская, например. Хотя у него тоже, честно говоря, многого не наберешь. Единственное, что было, — война. Так он тогда мальчишкой существовал — в эвакуации с матерью, с бабкой Игоревой. А отец, то есть дед Игоря, тот воевал, тому было бы что вспомнить для внука, да не дожил он до Игоря, умер в шестидесятом.

Итак, отцу нечего вспоминать, самому Игорю нечего вспоминать. Второе поколение беспамятных. А точнее, тех, кого жизнь не била, не устраивала кому испытаний, в которых человек проверяется на сжатие, на растяжение и на изгиб, говоря языком нелюбимой Пашенко физики. Второе поколение благополучных. Скучно жить на белом свете...

День у него был расписан по клеточкам: после школы обед, оставленный матерью на плите и в холодильнике, уроки — под ярким девизом «Иду на медаль!». Потом быстренько переодеться, хлопнуть дверью, бегом вниз, через дорогу, плюя на светофоры, в боковые ворота парка «Сокольники», мимо Дворца спорта, мимо кафе «Фиалка», мимо павильона аттракционов, мимо детского городка с деревянными лисами, волками и бабой-ягой, мимо забора международной выставки — дальше, дальше, в лес, в осенний парк, где еще не поменявшие рыжую шкурку белки прыгают на плечо, тянут тупые мордочки за подачкой.

Там, за поломанной скамейкой, на которой никто не рискует сидеть, есть двойная береза, как гигантская рогатка. Можно встать около, прислониться спиной к шершавому стволу, закрыть глаза...

А потом открыть и увидеть другой лес, и дорогу в другом лесу, сухую, еще по-летнему пыльную, и низкий костер у дороги, и старика Леднева, прилаживающего котелок над костром. И услышать привычное:

— Набери веточек, Игорек.